

Взять на Караулова

Поэтом Игорь Караулов был давно; единственным в своём роде его сделала геополитика. Послемайданная Украина 2014 года, Киев, Одесса и Донбасс. Спецоперация России, начавшаяся 24 февраля 2022 года.

Представим Мандельштама, отправленного из ГУЛАГа в штрафбат, с которым пьёт на Курской дуге покойный поэт Александр Ерёменко.

На фоне стихов сегодняшнего Караулова и, в не меньшей степени, подлинности его пути популярные образцы заукраинской поэзии — разумеется, русскоязычные — выглядят жалко, подражательно и претенциозно. (Ярослав Гашек, военкор и автор «Швейка», называл подобный жанр «майские выкрики».)

Но, собственно, в эти три эпитета легко сегодня укладывается и отечественная клубно-сетевая лирика, декларирующая аполитичность и эсте-

тизм. Больше на уровне фейсбучного, реже — публицистического и при почти полном отсутствии поэтического высказывания. Симптомы и фобии общие. И вообще вся эта, через губу, «аполитичность» — сплошное кокетство и притворяшки; просто русский либерально настроенный стихотворец, мужской или женский, если не умён, то хитроват, и понимает, что обеспечить должное качество агиткам и сатирам сумеет едва ли. (Про эпичность и балладность речи вовсе не идёт — не по Сеньке шапка.) За туманами и верлибрами здесь не спрячешься.

Из трёх обозначенных выше характеристик наиболее показательна подражательность — и назойливая в гламурной лирике центонность, и взятые напрокат приёмы (стилевые, имиджевые, реже — жизнестроительные) ничуть не приближают её к великими теням и текстам. У Караулова инструментарий похожий, с явно считываемой установкой на штучность высказывания и высокое присутствие рядом.

Он партизан поруганной Традиции, чьё главное оружие — трофейный шмайсер.

Помнишь односолодовый виски? / Без него мне в жизни было пусто. / Я тогда отслеживал но-

*винки / дегенеративного искусства. / Я любил
очкастых лесбиянок, юношей с изящной формой
зада, / Гельмана просторный полустанок/ на
задворках Курского вокзала. <...> А когда они
сожгли Одессу, / концептуализма корифеи, /
и свою коричневую мессу / праздновали в каждой
галерее, / и когда весенний Мариуполь / расстре-
ляли рыцари дискурса, / тут-то и пошёл во мне
на убыль / интерес к их модному искусству. /
Я люблю донбасских ополченцев, / песни их про
смерть и про победу. / Я люблю кадыровских
чеченцев. / Я на биеннале не поеду. / И теперь
уже навеки русскую, / никогда любить не пере-
стану / Вагнера израненную музыку / и желать
спасения Тристану.*

Поэтический опыт вот этого, уникального, Игоря Караулова свидетельствует в пользу важнейших вещей.

Настоящий поэт — всегда гражданин. Правое дело напрямую способствует рождению поэтических шедевров. Война — далеко не обязательный мотор настоящей литературы, но, если она справедлива, всегда сообщит поэзии подлинность и величие. Очевидно, что стоицизм и жертвенность могут быть не только врождёнными, но приобретёнными посредством Слова.

Что повсеместная боль и кровь не отменяют множества человеческих проявлений — от насмешки над собой до милосердия к врагу, но делают совершенно невозможной имитацию...

Давно и неотвязно меня преследует мысль, как ушедшие высокие эксперты восприняли бы сегодняшних звезд? Скажем, Марина Ивановна Цветаева — Анну Петровну Дóлгареву, Владимир Высоцкий — Михаила Елизарова? (В этом нет ничего от посмертных кастингов, столь любимых народом, регулярным персонажем которых становится тот же Высоцкий — с кем был бы такой-то в августе 1991-го, октябре 1993-го, и далее по всему спектру памятных и кровавых дат.) Нет, я всего лишь о понимании контекста и места поэта в национальном профсоюзе.

Мне кажется, сегодняшний Игорь Караулов оказался бы наиболее близок, с одной стороны, Вадиму Кожинову, с другой — Иосифу Бродскому. (А может, это уже, и давно одна сторона?) Тютчевская умная зрелость имперского сановника, пропущенная через боль и невроз соловья парижской ноты Георгия Иванова, отчетливо звучащие у Караулова, наверняка заставили бы Кожинова прописать его по ведом-

ству «тихой лирики», которая громче всхлипов гибнущих Царств. Плюс безупречные Позиция и Традиция. Проявляющиеся подчас в бытовых мелочах: Игорь пьёт водку, «как Ахматова», глоточками из стакана, опустошая медленно, но неуклонно.

Для Бродского, рискну предположить, принципиальным оказался бы центральный сюжет поэтической биографии Караулова, его одиссея, долгое возвращение на Итаку, где Итака — русская география, Пенелопа же — русская поэзия. Вообще, мотив возвращения в лирике Игоря достоин отдельной большой работы.

*С холма открывается город Марии: / приморские
липы в начале тепла. / Мы только недавно с то-
бой говорили / про город, откуда Мария ушла. /
Мария ушла до начала обстрела, / схватила де-
тей, повязала платок. / Она, получается, чудом
успела, / уборку и борщ отложив на потом. /
Незримо прошла по предместьям садовым, / едва
ощущая сгущение зла, / в то утро, когда обернул-
ся Содомом / тот город, откуда Мария ушла. /
Разбитые стены и окна пустые, / обломки бето-
на, осколки стекла. / Как будто уже не вернётся
Мария / в свой ласковый город, сожжённый до-
тла. / Но разве удержится горе навеки, / когда*

*засинеют сквозь дым небеса / и в море уйдут
бородатые греки, / вверяя Марии свои паруса?*

В этом сюжете внутренней одиссеи есть центральный и насущный мотив — обретения в себе и для себя национального, русского в качестве смыслового магнита, энергии и логики существования. Караулов, как и его герои (может быть, это было главным стихотворением 2014 года, «крымской весны и донбасской войны»), «Моторола, Безлер, Мозговой», «поэты на войне», сражается за монолит и достоинство нации в тех самых диапазонах географии и поэзии, которые резонируют с Небесной Россией, пополняя её звуком, который не отменить всеми возможными земными *cancel culture*.

Книга Игоря Караулова «Моя сторона истории» — уже русская победа, за которой придут другие.

Да, и чуть не забыл: Игорю Караулову 56 лет, родился в Москве, где и проживает и по сей день. По высшему образованию, внимание, — географ (геофак МГУ). Автор шести поэтических книг: «Перепад напряжения» (2003), «Продавцы пряностей» (2006), «Упорство маньяка» (2010), «Конец ночи» (2017), «Ау-ау» (2018), «День

святого Валентина» (2021), а также сборника публицистики, глубокой и задиристой, — «Трудный возраст века» (2020). Участник коллективного сборника «Русские верлибры» (2019). Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Арион», «ШО», «Воздух», «Бельские просторы», «Критическая масса» и др. Проза публиковалась в журнале «Новый берег». Лауреат Григорьевской поэтической премии (2011), ныне ее куратор. Победитель Волошинского конкурса (поэзия) (2017). Дипломант премии «Московский счёт» (2019). Выступал в качестве публициста в газете «Известия», «Литературной газете», на сайтах «Свободная пресса», «Русская идея» и АПН, в интернет-газетах «Взгляд» и «Ваши новости», на портале «Современная литература».

Алексей Колобродов